

УДК 33

DOI: 10.34670/AR.2020.91.27.012

Ценностная модель развития национальной экономики в бюджетированной форме

Арсаханова Зина Абдулловна

Доктор экономических наук,
завкафедрой финансов и кредита,
Институт экономики и финансов,
Чеченский государственный университет,
366007, Российская Федерация, Грозный, пр. Бульвар Дудаева, 17;
e-mail: arhan@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается ценностная модель развития национальной экономики в бюджетированной форме. Автор отмечает, что в настоящее время, несмотря на широкий спектр исследований взаимовлияния экономики и культуры, все же существует необходимость разработки методологических принципов влияния культуры на ход экономических трансформаций, прежде всего постсоциалистической экономической системы России, что предусматривает сочетание семиотического подхода с историческим методом. Среди работ отечественных и зарубежных экономистов-теоретиков практически не встречаются метасистемные интерпретации культуры в экономике, которые бы касались и онтологии, и гносеологии, и аксиологии, и праксеологии культурно-исторического становления экономических систем, что существенно минимизировало бы засилье деструктивных экстерналий. Уже недостаточно говорить, что культура в экономике «имеет значение», следует доказать, что ее роль в становлении формы благосостояния – определяющая, что и обусловило выбор темы данной статьи.

Для цитирования в научных исследованиях

Арсаханова З.А. Ценностная модель развития национальной экономики в бюджетированной форме // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 4А. С. 97-106. DOI: 10.34670/AR.2020.91.27.012

Ключевые слова

Деструктивные круги, шанс, условия, режим становления, история, экономика, ценностная модель.

Введение

Сегодня вызывает тревогу тот факт, что современная постсоветская Россия уже четверть века будто «зависла» во временном лаге «рыночных трансформаций» национальной экономической системы [Nordstrom, 2007]. Эта неутешительная действительность, которая тревожно переживается современниками как обнищание под действием деструктивных кругов воспроизведения паттерна «ловушки бедности» в условиях доминирования «экстрактивных институтов креольской элиты», которая ввергла страну в режим «железного закона олигархии», требует уже не просто системного анализа, а онтологической оценки источников аттрактивности национального бытия русских. Это сложный и тернистый путь на интеллектуальную Голгофу, где «воскресение» обеспечит только История – но кто-то должен им пройти.

Исторический метод, кроме констатации фактов прошлого, выполняет функцию «репрезентации различия», где «историзация настоящего» предусматривает два экзистенциальные акты:

1) позиционирование нынешнего ритма времени на основе образа прошлого как репрезентации утраченного или неосуществленного (потому что из энного количества вариантов выбора реализуется только один, а остальные продолжают существовать как возможности и сосредотачиваются в исторической памяти народа как этический императив для потомков; когда народ теряет свою историческую память, то души предков уходят в небытие);

2) выделение места для будущего на основе репрезентации утраченного как нового шанса в новых условиях настоящего.

Поскольку выбор обусловлен ценностью, то это шанс нового бытия предков через творческий чин потомков, и в этом состоит этическое измерение исторического бытия, где предметом познания служит аксиологический нарратив. «В общественных науках, – отмечают И. Савельева и А. Полетаев, – не существует "общей теории", не привязанной к месту и времени. Даже экономические модели исходят из определенной реальности, что существует в определенное время в конкретных странах».

Основное содержание

М. Гайдеггер подчеркивал, что «история означает не только прошлое, но и то, что встал с него, актуально находясь в режиме становления» [Nelson, Winter, 1982]. И поэтому она проявляет «целое сущего, изменяющегося во времени», то есть не просто способ бытия, происходящее, а ту «сферу сущего, которая, учитывая сущностную обусловленность человеческой экзистенции "духом" и "культурой", отличается от природы» [там же]. Поэтому культура, как отмечал С. Крымский, является «исторической системой и по происхождению, и по сути», которая «реализует исторический опыт в формах творчества, придающих смысл индивидуальности», перенося ценности в бытие и делая жизнедеятельность осмысленной и целеустремленной [Mick, 2007, 100]. С. Крымский определяет культуру как «актуализацию смыслового потенциала творческой деятельности, который характеризуется превращением вещей на предложения (тексты) и воспроизведением исторического опыта в его перспективных возможностях» [там же]. Культура утверждает человеческий мир, структурированный по модусами творчества и свободы», и в той мере, в которой «культура предполагает выход в будущее через настоящее и актуализацию неиспользованных возможностей прошлого», она

интегрально синтезирует будущее, сочетая идеальный мир возможностей с бытием, синтезируя свойства вещи, продукты творчества и результаты производства, что позволяет определять культуру «универсумом бытия». Поэтому культура – это всегда «альтернатива ко всему энтропийному». Благодаря целеустремленности целого, через живое творчество «реконструируется дух пропавшей ценности» как лик вечности в знаменательные времена [Layton, 2007, 88].

История, по М. Гайдеггеру, – это «продолжающееся во времени событие экзистирующего присутствия, причем прошлое находится во взаимоотношении и представляет собой унаследованное через традицию актуальное событие». Исторический артефакт – «это "прикладное средство вне обихода", представляющее имманентное того мира, который прошел, предопределяя "экзистирующее присутствие" для того мира, что есть. И из-за того, что мир наделен "бытийным родом исторического", имеет место "онтологическая определенность выпрыска" в культуре» [Layard, 2005]. Бытие сущего, по мнению М. Хайдеггера, конституируется историчностью: бытие присутствия – это забота, вмурованная вовремя, которая представляет собой событие, определяющее экзистенцию как историческую, и тем предопределяет возможности. М. Гайдеггер писал: «Всякое благо есть наследие, и в характере благ предоставлена возможность собственной экзистенции, в решимости конституируется передача наследия». Но, будучи выбрана, экзистенция превращает возможность в «простоту судьбы», где «судьбоносное присутствие как бытие в мире сущностно экзистирует с другим, из-за чего события становятся событием и определяются как исторический путь.

А. Синкевич объясняет, что второй закон термодинамики является естественным законом истории: «Ведь и биологические, и социальные сообщества обречены на гибель от распада. Учитывая термодинамический вектор, чем сложнее система, тем меньше срок ее существования, ибо сложное более склонно к вырождению» [Kester, 1992, 90]. Онтологическое содержание эволюции – это не создание новых форм, а создание форм, устойчивых к дальнейшим изменениям. Стрела жизни имеет направление, противоположное расширению универсума, – к Центру, с которого все началось. Сопrotивляться гибели можно только одним способом – сохранять исходную информацию о своем виде. Мутации, в которых дарвинизм видит движок становления видов, на самом деле является разрушительным фактором, который не улучшает, а ухудшает генетическую программу организма.

А. Синкевич обобщает, что «хозяйственная деятельность предстала как символ и ритуальное воспроизведение космических процессов и метафизического принципа», где сам человек выступал квинтэссенцией мифоритуала как «звездное зерно, посеянное на земле», как несовершенное творение, падение которого определено заранее, чтобы в акте индивидуального творчества имелась возможность вечного бытия в досрочном, бесконечного – в конечном, универсального – в уникальном, творца – в творении, целого – в части, высшего смысла – в инертном материале, бессмертия – в косности абсурда неотвратимого конца [Kauffman, 2000].

Хозяйственный нарратив русского человека, его аксиологический ойкос – это воплощенная в земледелии метафизика символа и мистерия мифоритуала Великого Возвращения, где заложена программа каждого нового начала, а следовательно, бессмертия бытия этноса.

Ю. Шилов продолжает: «Культура – это системная совокупность всей человеческой деятельности, это то, что снимает противоречия между общественным бытием. В культуре сосуществуют проявления положительные и отрицательные, минус и плюс, взаимодействие которых придает энергию развитию. Оценивать любое явление, считать те или иные его стороны хорошими или же плохими можно по-разному и с различных позиций. Однако

несомненным является то, что плюс более связан с природной основой, тогда как минус – с искусственными надстройками на ней» [Jurgen, 2000].

Естественное в человеческой культуре – это ее архетипы. Они подсознательно прорастают из организма и через «внутренний голос» отражают зачатие, эмбриональность, рождение, воскресение (переход человека от вещественной к полевой форме бытия) и возрождение (очередной переход от полевой до вещественной формы). Архетипы отражают сущность культуры; через них – выход на полевую первооснову материального мира.

Искусственное в культуре – это созданное людьми на свое исторически обусловленное усмотрение. А предопределенность и вытекает из природной среды, хозяйственного типа, семейных и общественных отношений и тому подобное [Gilles, Diamantaras, 2005, 50]. Усмотрение людей и народов стоит на сознательном, логико-аналитическом, идеологически ограниченном мировосприятии. Оно творит вещественные формы культуры в соответствии с вещественными проявлениями материального мира.

Культура представляет собой органично восставший комплекс достижений умственной деятельности, что обеспечивает воспроизводство социальных систем путем усовершенствования способов пользования природой. И в этом смысле культура предстает как инструментальный аппарат взаимодействия социума с природой, субъекта со средой, определяя как специфику потребностей субъектов, так и пути их удовлетворения. Под таким углом зрения культура и экономика разделяют общий предмет [Gappah, 2008].

Как система воспроизведения, каждая культура представляет собой паттерн, включающий в себя следующие подсистемы: производственную культуру, культуру жизнеобеспечения, соционормативную культуру и гуманитарную культуру. Процессы организации труда и технологические способы создания стоимости, а также необходимые для этого ресурсные мощности являются составляющими культуры производства. Культура жизнеобеспечения – это нарративное измерение сферы потребления, присвоения стоимости и доходов, выгоды перелива, социальные трансферы, институты интеграции социального капитала и тому подобное [Dixon, Wilkinson, 1989, 60]. Соционормативная культура включает в себя право (установку того, что делать можно, а что нет), этику (представление о том, что следует делать, а что нежелательно), эстетику (представление о красивом и безобразном). Социо-нормативная культура определяет границы поведения. Гуманитарная культура – это система мотиваций и стимуляции деятельности человека, включающая экономические и внеэкономические факторы повышения уровня производительности труда. Она также включает рациональные и эмоциональные способы познания мира – науку, искусство, философию и религию.

Разнообразие существования функциональных и исторических типов экономических систем не раз склоняло экономистов-теоретиков к мысли, что экономические процессы подлежат влиянию внеэкономических факторов. Причем это влияние часто настолько сильное, что заставляет делать заметные коррективы в устоявшиеся представления об универсальной природе экономической действительности. Постоянно возникала потребность описать тот механизм, через который культура влияет на экономику, и оценить меру этого влияния, что придает экономическим системам признаки неповторимости и самобытности в противовес нарративам экономической науки об эмансипации стандартов экономической жизни от условий пространства и времени. Но на этом пути встало на первый взгляд непреодолимое противоречие между господствующим в экономической науке методологическим индивидуализмом и коллективной природой культуры.

Ш. Бегельсдаик и Г. Маселанд выделяют три блока проблем в структуре дискурса о

соотношении и взаимовлиянии культуры и экономики в бытии общества. Первая проблема касается того, что культура связана со структурами, которые индивиду заранее заданы, он их наследует как поведенческие паттерны, не всегда беспокоясь о целесообразности их ревизии на основе альтернативных моделей мира улучшенной функции полезности. Зато экономисты пользуются такой моделью реальности, в которой поведенческие паттерны и результаты являются последствиями целенаправленных решений, которые принимают индивиды, рационально используя средства и оптимизируя усилия. Вторая проблема, значимость которой подчеркивают Ш. Бегельсдайт и Г. Маселанд, заключается в том, что понятие культуры имеет отношение к коллективным свойствам, агрегативному макроуровню, тогда как экономикс, основываясь на микроанализе экономического поведения, оперирует уровнем индивида, атомизированного рыночного актера [Dietl, 1998]. И наконец, третья проблема содержит дилемму: с одной стороны, экономисты сфокусировали внимание на поисковых универсальных идеях и принципах, воображая общество как механические агрегаты антропосукцесии, а с другой – в логике культуры и в субъективном восприятии реальности царит разнообразие, мозаика смыслов семантики бытия, овеществленные в тексты как аксиологические нарративы и праксологические паттерны.

«Зависимость от контекста, – отмечают Ш. Бегельсдайт и Р. Маселанд, – трудно совместить с базовым нарративом экономистов об универсальном поведении. Это противоречие между универсальным и локальным связано с феноменом культурных предпосылок». Далее авторы утверждают, что то внимание, которое в последнее время уделяется анализу культуры в экономической теории, является «знаком силы и зрелости экономической науки», ведь «культура охватывает все параметры общественной реальности, созданной и сформированной человечеством», чтобы удовлетворять «инструментальные и интегральные потребности». Вместе с тем, кроме сотворенной человеческим трудом действительности и вещей, культура – это еще и мировоззрение, видение образа мира, что определяет деятельность на основе убеждений, веры в те или иные преимущества в условиях выбора и тех состояний рефлексивной чувственности, что концентрируют внимание и волю [Baumol, 1993]. Под таким углом зрения культура – это унаследованная историческая передача определенной системы смыслов, воплощенных в символах, комплексная символическая система координат, в рамках которой люди осмысливают смыслы своего бытия и определяют жизненные цели. Поэтому культура – это «программное обеспечение ума», что определяет воспроизводственную деятельность в форме тех или иных поведенческих паттернов на основе соответствующих мотивационных нарративов. Таким образом, культура – это кластеры смыслов и практик, возникающих вследствие регулярного взаимодействия. А поскольку эти кластеры между собой постоянно пересекаются (а следовательно, индивид может одновременно принадлежать к разным культурам), то культурные идентичности изменчивы, изменяются спонтанно на основе «тематической идентичности» в зависимости от мотивационного контекста [Rosser, Rosser, 1996, 448].

Если культура предстает как существующая данность коллективной идентичности, то она выступает экзогенным фактором в пределах эгоистического нарратива рационального выбора в условиях ограниченных средств и оптимальных результатов. Но вместе с тем культура – это данность, которая постоянно подлежит пересмотру в условиях практик, ревизии под влиянием меняющихся вызовов, а поэтому она является основным фактором формирования представлений сообщества, рефлексивной динамики бытия, что выдвинуло перед исследователями вопрос не только о том, что представляет собой культура, но и как, почему и

для чего она производится. Так культура стала предметом экономической когнитологии – воображаемым динамическим континуумом экономических систем как нарративов возможного в фокусе действительного, организованных принципами причинности и целесообразности.

Культура и экономика долгое время имели разный предмет исследования: экономисты исследовали поведение индивида и общества с точки зрения рационального выбора, трактуя общественную действительность сквозь призму индивидуальных решений рыночного актера; культура не вписывалась в рамки инструментального планирования, будучи связана с коллективными идентичностями, где чин не всегда обусловлен осознанным эгоизмом. Так культура мышления формировала среди экономистов два мировоззренческих подхода к пониманию идеи культуры в экономической жизни:

1) культура как нормативный стандарт – унифицированный образец этических модальностей универсально-идеального бытия, абсолютный предмет мимезис вне дискретностей места и времени;

2) культура как идентифицирующий уникальность бытия атрибут, неотъемлемый для каждого народа, неповторимый феномен существования, обусловленный особенностями пространства и времени, что способствует реализации человеческих способностей в определенном направлении.

Ожидаемую оппозицию маржинализма в вопросах места культуры в экономическом анализе заняли классики институционализма. Так, Т. Веблен, откликаясь на интерпретацию К. Менгером экономической теории с точки зрения метода, а не объекта исследования, писал, что, приняв во внимание определенную модель поведения – экономическую рациональность, и вместо того, чтобы трактовать эту модель как конкретное поведение в определенном месте и времени, маржиналисты определяют ее как нормальную структуру, к которой стремится любое поведение при любых условиях.

Всю совокупность взглядов на соотношение экономики и культуры в жизни общества современные ученые классифицировали по трем признакам: комбинация; интеграция; рефлексия.

Первый подход трактует культуру как сугубо экзогенный фактор экономической жизни, что влияет на экономическое поведение в условиях ограниченной рациональности из-за недостатка информации. И когда рациональность наталкивается на такой тип ограничения, на выбор начинает влиять культура: во-первых, как источник преимуществ; во-вторых, как источник ограничений; в-третьих, как причина отклонения от модели.

Аргументация следующая: рациональность – это сопоставление целей и средств и принятие оптимальных решений не только на основе альтернативных вариантов возможности выбора максимально негентропийного проекта, но и на основе устоявшихся ценностей, общепринятого образа жизни как среды комфорта, того образа желаемой действительности, что вмещает нарративы и паттерны преимуществ. И эти паттерны – ментальные явления культуры, обуславливающие выбор, ориентируют преимущество, и уже в рамках выбранного из числа альтернатив проекта происходит рационально-оптимальное комбинирование имеющихся ограниченных или возможных (согласно принципу «новых комбинаций») средств и ресурсов. Так, учитывая культурный контекст возможных и определенных преимуществ, в экономических моделях можно проектировать возможные результаты экономического развития, а особенно – структурных и институциональных трансформаций национальных экономических систем. Под таким углом зрения культура предстает как совокупность субъективных предпочтений и субъективных убеждений, определяющих как средства, так и

цели.

Культура в качестве источника ограничений действует в экономике как институциональная система – комплементарная совокупность фиксированных паттернов, минимизирующих неопределенность и направляющих общественную деятельность в предполагаемые континуумы ожидаемых результатов. Институты действуют двояко через контуры обратных связей с экономической действительностью: с одной стороны, они снижают неопределенность, а следовательно, минимизируют экономические затраты, но с другой – ограничивают выбор за установленные параметры формально или неформально легитимизированного чина экономического комбинирования ограниченных факторов производства и поэтому часто препятствуют процессам творческих деструкций инновационных внедрений. Институты необходимы, но надо понимать, что они, с одной стороны, выступают искусственными ограничителями в условиях неопределенности, предлагая паттернальные образцы рациональности среди альтернатив дискретного выбора, а с другой – препятствуют творческим деструкциям, тормозят инновационное развитие и предопределяют энтропийную инерцию «зависимости от пути», что складывает впечатление о деструктивной роли истории и традиции в процессах развития настоящего и культивирует миф об антагонизме прошлого и будущего. Однако никто из экономистов еще глубоко не разобрался: а что именно разрушают творческие деструкции? Подчеркнем, что структура каждой экономической системы представляет собой не только пространственно-временную горизонталь причинно-следственных связей, процессов и функций, но и вертикаль, то есть иерархию: от уровня конкретной аллокации ресурсов законодательства, от материальных природных условий культуры как квинтэссенции представлений о мыслимом, желаемом и возможном. Институционально обусловленная «зависимость от пути» является серьезной экстерналией на пути экономических трансформаций, прежде всего потому, что она является следствием инерции защитных оболочек ядра паттернальной матрицы национальной культуры, ибо последняя – это вершина иерархического порядка экономических систем, что задает параметры адаптации для низших уровней. Поэтому изменение каждого последующего, более высокого уровня иерархии, требует все больших затрат энергии, чем требовала трансформация предыдущего. И сила этого сопротивления возрастает, если мимезис внедряемых паттернов (или, как писал Г. Конквест, «неадекватно поданного идеализма») акомплементарный к ценностям национальной культуры.

Заключение

Культура как отклонение от модели трактуется как совокупность тех факторов, которые обуславливают выбор, во-первых, вне рационального осмысления возможных преимуществ; во-вторых, там, где поведенческие различия не объясняются индивидуальными факторами.

По способу интеграции существуют два противоположных подхода: экономика как культура и культура как экономика. Первый подход рассматривает экономическое поведение как культурный феномен, ведь каждый тип национальной экономической системы вырос из существующей в социуме формы интеграции, представленной для воспроизведения культурными паттернами, которая возникла исторически в результате антропосукцессии. Рыночная система, мотивационной осью которой является поиск прибыли и ренты, представляет собой исторический паттерн английской действительности эпохи Великих географических открытий, что интегрировал в себя всю систему социальных связей, выступив основным критерием социализации [Barca, 1996]. Культуру начали трактовать как

составляющую экономики после того, как потребительские вкусы стали рассматривать как эндогенный фактор рационального выбора. Если вкусы идентичны для всех (например, побудительный критерий дешевизны), а основной движущей силой экономической деятельности и понимания экономического поведения выступает изменение цен и доходов, тогда окончательно оформилось убеждение, что одинаковые технологии, примененные в подобных обстоятельствах, дадут одинаковый прогнозируемый результат, несмотря на культурное разнообразие. То есть культуру, по сути, свели к нескольким материальным принципам максимизации полезности, где любой культурный акт имел экономическое объяснение. Например, люди посещают церкви с целью инвестирования в условиях неопределенности, где молитва и пожертвование – форма метафизической транзакции, что должно способствовать успеху в бизнесе. Культура как бы встраивается в экономику, где каждое культурное явление обусловлено экономическим интересом. Так, в частности, люди выбирают себе те культурные идентичности, которые предусматривают синергетическое постижение индивидуальной полезности. Трактовка культуры как составляющей экономики приобрело завершенность в явлении под названием «культура экономистов». В течение XX века возникла культура, которая регламентировала человеческое поведение и обуславливала способ мышления, будучи выстроена вокруг идентичности экономиста (специалиста, который знает о всех способах максимизации полезности в обществе при любых условиях) на основе идеологии либерального индивидуализма. То есть это культура, нарративы, ценности и смыслы которой как паттерны воспроизводственной деятельности для социума созданы и внедряемы кабинетным сообществом экономистов-теоретиков, имеющих устоявшееся и безальтернативное понимание того, каким должен быть мир.

Библиография

1. Barca F. On Corporate Governance in Italy: Issue, Facts and Agenda // *Corporate Governance and Property Rights*. Milan: Fondazione Eni Enrico Mattei, 1996.
2. Baumol W.J. *Entrepreneurship, Management, and the Structure of Payoffs*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1993.
3. Dietl H.M. *Capital Markets and Corporate Governance in Japan Germany and the United States // Organizational Response to Market Inefficiencies*. London: Routledge, 1998.
4. Dixon D.F., Wilkinson I. An alternative paradigm for marketing theory // *European Journal of Marketing*. 1989. No. 23. P. 59-69.
5. Gappah P. A day in Harare // *The Australian Financial Review*. 2008. No. 3. P. 42.
6. Gilles R.F., Diamantaras D. New classical economics: Towards a new paradigm for economics // *Division of Labor and Transaction Costs*. 2005. No. 1. P. 35-56.
7. Jurgen B.G., Sombart H.W. *Klassiker der Sozialwissenschaft. Eine kritische Bestandsaufnahme*. Marburg, 2000.
8. Kauffman S. *Investigations*. Oxford Oxford University Press, 1998.
9. Kester C.W. Governance, Contracting, and Investment Horizon: A look at Japan and Germany // *Journal of Applied and Corporate Finance*. 1992. No. 5(2). P. 83-98.
10. Layard R. *Happiness: Lessons from a new science*. New York: Penguin Books, 2005.
11. Layton R.A. Marketing systems: A core macromarketing concept // *Journal of Macromarketing*. 2007. No. 27. P. 227-242.
12. Mick D.G. The end(s) of marketing and the neglect of moral responsibility by the American Marketing Association // *Journal of Public Policy & Marketing*. 2007. No. 26. P. 289-292.
13. Nelson R.R., Winter S.G. *An evolutionary theory of economic change*. Boston, MA Belknap Press Harvard, 1982.
14. Nordstrom C. *Global outlaws: Crime, money and power in the contemporary world*. Berkeley: University of California Press, 2007.
15. Rosser Jr., Rosser M.V. *Comparative Economics in a Transforming World Economy*. Irwin, 1996. 488 p.

Value model of national economy development in a budget-based form

Zina A. Arsakhanova

Doctor of Economics,
Head of the Department of finance and credit,
Institute of Economics and Finance, Chechen State University,
366007, 17 Dudaev Boulevard, Grozny, Russian Federation;
e-mail: arhan@mail.ru

Abstract

The article discusses the value model of the development of the national economy in a budget-based form. The author notes that at present, despite a wide range of studies on the interaction of economics and culture, there is still a need to develop methodological principles for the influence of culture on the course of economic transformations, primarily the post-socialist economic system of Russia, which provides for a combination of the semiotic approach with the historical method. Among the works of domestic and foreign theoretical economists, there are practically no metasystemic interpretations of culture in the economy that would concern ontology, epistemology, axiology, and praxeology of the cultural and historical formation of economic systems, which would significantly minimize the dominance of destructive externalities. It's not enough to say that culture in the economy "matters", it should be proved that its role in the formation of the form of well-being is decisive. It is noted that culture is an organically rebellious set of achievements of mental activity, which ensures the reproduction of social systems by improving the ways of using nature. And in this sense, culture appears as an instrumental apparatus for the interaction of society with nature, the subject with the environment, determining both the specific needs of the subjects and the ways to satisfy them. From this angle, culture and economics share a common subject.

For citation

Arsakhanova Z.A. (2020) Tsennostnaya model' razvitiya natsional'noi ekonomiki v byudzhetrovannoi forme [Value model of national economy development in a budget-based form]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 10 (4A), pp. 97-106. DOI: 10.34670/AR.2020.91.27.012

Keywords

Destructive circles, chance, conditions, mode of formation, history, economy, value model.

References

1. Barca F. (1996) On Corporate Governance in Italy: Issue, Facts and Agenda. *Corporate Governance and Property Rights*. Milan: Fondazione Eni Enrico Mattei.
2. Baumol W.J. (1993) *Entrepreneurship, Management, and the Structure of Payoffs*. Cambridge, MA: The MIT Press.
3. Dietl H.M. (1998) Capital Markets and Corporate Governance in Japan Germany and the United States. *Organizational Response to Market Inefficiencies*. London: Routledge.
4. Dixon D.F., Wilkinson I. (1989) An alternative paradigm for marketing theory. *European Journal of Marketing*, 23, pp. 59-69.
5. Gappah P. (2008) A day in Harare. *The Australian Financial Review*, 3, pp. 42.
6. Gilles R.F., Diamantaras D. (2005) New classical economics: Towards a new paradigm for economics. *Division of Labor*

- and Transaction Costs*, 1, pp. 35-56.
7. Jurgen B.G., Sombart H.W. (2000) *Klassiker der Sozialwissenschaft. Eine kritische Bestandsaufnahme*. Marburg.
  8. Kauffman S. (1998) *Investigations*. Oxford Oxford University Press.
  9. Kester C.W. (1992) Governance, Contracting, and Investment Horizon: A look at Japan and Germany. *Journal of Applied and Corporate Finance*, 5(2), pp. 83-98.
  10. Layard R. (2005) *Happiness: Lessons from a new science*. New York: Penguin Books.
  11. Layton R.A. (2007) Marketing systems: A core macromarketing concept. *Journal of Macromarketing*, 27, pp. 227-242.
  12. Mick D.G. (2007) The end(s) of marketing and the neglect of moral responsibility by the American Marketing Association. *Journal of Public Policy & Marketing*, 26, pp. 289-292.
  13. Nelson R.R., Winter S.G. (1982) *An evolutionary theory of economic change*. Boston, MA Belknap Press Harvard.
  14. Nordstrom C. (2007) *Global outlaws: Crime, money and power in the contemporary world*. Berkeley: University of California Press.
  15. Rosser Jr., Rosser M.V. (1996) *Comparative Economics in a Transforming World Economy*. Irwin.